18+

Олег Кулезнёв

ОКОЛО~ ВОЕННЫЕ РАССКАЗЫ

Олег Кулезнёв

Околовоенные рассказы

«Издательские решения»

Кулезнёв О. Н.

Околовоенные рассказы / О. Н. Кулезнёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-650112-6

Сюжеты историй начинаются задолго до, или после Великой Отечественной войны, но повествуют о судьбах поколения детей, к которым пришла эта беспощадная война, их желанию жить, и побеждать, даже в самых невероятных ситуациях.

ISBN 978-5-00-650112-6

© Кулезнёв О. Н.
© Издательские решения

Содержание

Рассказ первый. 6
Рассказ второй. 17
Рассказ третий. 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Околовоенные рассказы

Олег Николаевич Кулезнёв

Редактор Екатерина Долгова
Корректор Сергей Ким

© Олег Николаевич Кулезнёв, 2024

ISBN 978-5-0065-0112-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказ первый.
Мальчик и птица

Жизнь порой подбрасывает такие выкрутасы, когда трудно разобраться, где реальность, а где фантазия. Для детей войны всё перемешалось, но взрослея, они сохраняли детскую наивность, разбавленную крохой волшебства или мистики.

Маленький мальчик по имени Гоша, прихрамывая, разгоняет стаю голубей на небольшой площадке в центре городского парка. Птицы его не боятся и, взлетев, садятся за спиной мальчика. Рядом на лавочке сидит девушка лет двадцати пяти, внимательно читая брошюру. Забавно наблюдать, как, стараясь выглядеть солидней, Наташа, так её зовут, поправляет очки на курносом носе, но они всё равно предательски съезжают. Прихрамывает Гоша из-за травмы, полученной при рождении. Но он уже привык и не уступает в скорости передвижения другим детям. Наташа решила прекратить выкрутасы сына и перевела на него взгляд.

– Гоша, перестань пугать голубей, лучше покорми их семечками!

Мальчик, достав из кармана горсть семечек, разбросал их по асфальту. Голуби, не боясь, склёвывали семена, не обращая внимания на удивлённого малыша. Гоша, взглянув вверх, замечает ещё одну небольшую стайку голубей высоко в небе.

– Э-ге-гей! Летите сюда, у меня в кармане ещё много семечек! Мам, а можно подружиться с голубем?

Он замахал рукой, приглашая голубей спуститься. На что местные голуби отреагировали скоростью поедания семян. Наташа взглянула на парящих в небе птиц, прикрыв глаза рукой от лучей солнца, и определила, как настоящий знаток:

– Гоша, это почтовые домашние голуби, они любят высоту и опускаются на землю только к хозяину. И вообще не отвлекай меня, у меня через два часа зачёт по гражданской обороне, а я ещё только половину брошюры повторила! Так с тобой и на работу не выйдешь, а работать надо, ты уже взрослый!

Гоша гордился тем, что у мамы, когда она находилась на службе, всегда через плечо висела сумка с противогазом, и это непонятное слово ему тоже нравилось.

– Это про противогаз, что ли?

– Точно, надо повторить марки противогазов, хорошо, что напомнил.

И она опять погрузилась в чтение брошюры.

Вдруг один из почтовых голубей отделился от стаи и стал спускаться. Гоша открыл рот от удивления! Голубь приземлился на свободное место, дружелюбно освобождённое другими птицами.

– Мама, смотри, он прилетел! Какой красивый, весь белый и совсем ничего не боится! Он, наверное, хочет подружиться.

Голубь, со своей стороны, с удовольствием склевал несколько семечек и, помахав крыльями в знак удовлетворения, взлетел, направляясь в свою стаю. Не отрывая глаз от брошюры, Наташа нервно высказалась:

– Гоша, не придумывай, вот завтра приедет Женя, расспроси его про почтовых голубей, он про них знает всё. Раньше у него было несколько птиц, подаренных на день рождения.

Женя, офицер-пограничник, отец Гоши, ровесник и муж Наташи. Но Женя не приехал домой, ни через день, ни даже через неделю. Поздно вечером в квартире зазвонил телефон, разбудив Наташу.

– Наташа, не могу многого рассказать, похоже, скоро всё изменится в худшую сторону. У нас приказ не покидать заставу, в части объявлена боеготовность. Прошу тебя, уезжай в Ленинград, к бабушке, там всё же спокойней, большой город! Я вас найду!

Застава Жени находилась в районе Петергофа, пригорода Ленинграда. Фашисты наступали молниеносно, пограничники первые приняли удар на себя, и Женя погиб в самом начале войны. Наташа этого ещё не знала. В городе шла эвакуация. Основную массу людей направляли на восток, но Наташа с малышом, помня наставления мужа, пробивалась в Ленинград. Она объясняла военному коменданту, отправляющему её в тыл страны:

– Мне нужно в Ленинград! Там осталась бабушка, совсем одна, кто же ей поможет?

В конце концов комендант согласился, и на попутке они добрались до города. Путешествие понравилось Гоше, но город Наташа не узнала, с первыми бомбёжками Ленинград стал чёрно-белым.

«Как-то всё не так, чего-то не хватает. Голуби, где же они? Их всегда было много в Ленинграде. Может, они почувствовали беду и попрятались? – подумала она и вдруг почувствовала внутреннюю тревогу. – Нехорошее предчувствие, что-то случилось…»

Добравшись до нужной улицы, Наташа увидела наполовину разрушенный дом, но знакомый подъезд сохранился. Поднявшись на третий этаж, Наташа зашла в приоткрытую дверь и увидела лежащую на полу возле окна Александру. Осколок авиабомбы влетел через окно и, разрушив раму, поразил бабушку.

Похоронив бабушку, Наташа как смогла всё объяснила Гоше, добавив тихим голосом:

– Теперь это будет наш дом, привыкай, мы выкарабкаемся! Да и Женя сказал, что будет искать нас здесь.

– Мне здесь нравится, вот только война.

Началась промозглая осень, с ней пришла блокада, принеся голод.

Наташа, всё взвесив, устроилась на службу по её единственной и нужной в военное время профессии: специалист по гражданской обороне. С сыном она провела беседу:

– Гоша, тебе идёт четвёртый годик, ты взрослый ребёнок. Чтобы выжить, я выхожу на службу, помнишь, как в Петергофе?

– Это когда ты ходила с противогазом?

– И не только, понимаешь, тебе придётся оставаться одному, но ты же самостоятельный ребёнок?

– Конечно, я найду чем заняться! Буду прибираться по дому, воды натаскаю, у меня есть маленькое ведёрко!

– Это не всё, при бомбёжке ты должен идти в убежище, как и все.

– Мам, я не маленький, всё понимаю!

Наступила первая блокадная холодная зима. На улицах всё чаще стали попадаться замёрзшие трупы блокадников, да и живые стали похожи на тени, бредущие в неизвестном направлении. Гоше было страшно, но он не мог подвести маму. В квартире установили печку-буржуйку. У Гоши появилась ещё одна забота: чтобы сохранить оставшуюся мебель, он искал дрова на улице. Обломки досок можно было найти возле разрушенных домов, они и шли на растопку печки. Он несколько раз пробовал при объявлении «Авианалёт!» добраться до убежища. Получалось хуже, бомбёжка заставала его на улице, и приходилось искать место, где спрятаться. Однажды, находясь в убежище, он подслушал разговор бабушек.

– Ты опять вчера в убежище не ходила?

– Да чего уж тут, пока дойдёшь, помрёшь, блин, да и знаешь, второй раз бомба в одно и то же место не попадёт!

Гоша запомнил и попытался понять, почему.

– Не попадёт! Интересное открытие, но маме говорить не стоит.

Мама появлялась дома редко, служба забирала всё свободное время. Она совсем не отдыхала, даже в выходной, при бомбёжке она обязана была прибыть к месту службы.

– Мама, расскажи про работу.

– Да это не интересно, трудовые будни. Жалко, что в нашем районе разбомбили школу, ты был бы под присмотром и научился читать. Ходить в другие районы далеко и небезопасно. Хотя какая школа, с войной совсем забыла, что тебе и пяти лет нет!

– Мам, а я могу сам научиться, только вот дома и книг-то нет, вся бумага ушла на растопку.

И тут Наташа вспомнила, что в её полевой сумке есть брошюра-инструкция, которую она знала наизусть. Там было много картинок на тему помощи пострадавшим и советов, как вести себя в тех или иных случаях. Но главное, там всё было написано крупным шрифтом. Она достала брошюру.

– А если вот так, смотри и учись! Это буква «А», постарайся запомнить и найти её в тексте.

Теперь у Гоши было занятие. И чтобы не подводить маму, он не отрывался от брошюры, выискивал буквы, которые просила запомнить мама, и даже пытался их написать. Но особенно ему нравились картинки, теперь он понимал, чем занимается мама на службе. Одна из картинок заинтересовала его, там мальчик сидел под столом, стоящим возле стены, напротив была другая стена, с окном.

– Так это рекомендация для пережидания бомбёжки дома!

Усвоив рекомендацию, при бомбёжке Гоша уходил в дальнюю комнату, где находилась несущая стена, прятался под сделанный из дуба стол, чётко выполняя требования инструкции. Но больше надеялся, что второй раз бомба в одно и то же место не попадёт.

Зимние холода никак не хотели уходить, но Гоша всё-таки старался хотя бы немного во дворе дома гулять. Ребят в окрестности было мало, да и те постарше. У них были свои заботы, но иногда они звали его с собой.

– Гоша, пошли с нами, мы идём голубей ловить! – звал его высокий худой мальчик по имени Костя.

– Зачем, разве так можно, они же добрые! И как, у них есть крылья для того, чтобы летать!

– Чудак, во время блокады голуби – это еда, из них такой вкусный бульон. А поймать просто: нужны ящик, верёвка и приманка! Правда, мало их осталось, мы тут выследили парочку в парке, а там милиционеры гоняют, но есть хочется! А ты куда собрался?

– Мне далеко нельзя, мама не разрешает, мне дров надо найти.

Мальчишки знали всё, поэтому сразу дали ему несколько адресов неподалёку, где ещё можно было найти древесину.

– Ладно, мы побежим, а то вдруг кто-нибудь нас опередит. Кстати, ты видел, по центральной улице запустили трамвай, правда, пока они ходят редко, но прокатиться всё равно можно!

Помахав рукой, ребята убежали. У Гоши в голове появились противоречия.

– Надо поймать голубя, вот мама обрадуется! Хотя голубь всё же не еда, но ребята постарше, наверное, больше знают, чем я.

Ребята, выйдя на центральную улицу, услышав знакомый трезвон, бежали с трамваем наперегонки, не обращая внимания на вагоновожатого, пытающегося их остановить!

Короткое холодное лето уступило место промозглой осени. В доме, этажом ниже, жила соседка, Вера Сергеевна, может, и ещё кто-то жил, но остальные двери были заклеены небольшой бумажкой с печатью. Гоша интересовался:

– А что означает бумажка с печатью на дверях соседей?

– Она означает, что там никто не живёт, – отвечала мама.

Несмотря на блокаду и голод, мама всегда просила Гошу помочь Вере Сергеевне, узнать, здорова ли она, в чём нуждается. Гоша с гордостью отчитывался маме:

– Я сегодня Сергеевне воды натаскал!

– Гоша, так невежливо, надо говорить Вере Сергеевне.

– Она сама просила так её называть, говорила, привыкла, всю жизнь работала на заводе! Мам, хочешь, я поймаю голубя, и мы сварим суп, мне мальчишки рассказали как.

– Гоша, зачем? Ты голоден?

– Кушать, конечно, хочется, но так делают все!

– Согласна, паёк маленький, но ведь хватает, я же всё-таки нахожусь на службе. И насчёт голубей, вспомни, как в Петергофе ты бегал за голубями в парке и они склёвывали у тебя с рук семечки. Ты тогда с ними подружился! Совсем недавно голубей использовали как почтальонов, это называлось голубиной почтой! Так с голубями поступать нельзя, они твои друзья.

– Нет, не помню. Что же, мальчишки неправы?

– Почему, может, это их последняя надежда выжить, ведь не все имеют возможность работать и получать паёк!

Натаскав домой воды, Гоша с ведёрком зашёл к соседке.

– Сергеевна, принимай воду!

– Это ты, Игорёк? Заходи. Когда придёшь со вторым ведёрком, я тебе подберу книжку.

– Сергеевна, я читать не умею, мама мне дала брошюру, вот учусь!

– А сколько тебе лет?

Гоша не любил отвечать, что только четыре годика, и всегда говорил:

– Почти пять!

– Да ты уже взрослый! Мы это исправим, я знаю, какую книжку тебе подарить!

Принеся второе ведёрко, Гоша увидел на столе большую книжку, на обложке было написано слово, начинающееся на букву «А».

– Вот эту букву я знаю, это «А»!

– А написано тут – «Азбука». С её помощью ты научишься читать! Следующий раз жду тебя с водой денька через три-четыре. Я тут решила к знакомой сходить, она живёт рядом, поэтому отдохни.

Закончился налёт фашисткой авиации, и Гоша покинул своё убежище. Стёкла в окне сохранились только на кухне, да и само окно было завешано тёмной материей. Светомаскировка нужна была ночью, но мама настаивала, чтобы Гоша не забывал опускать занавеску, уходя на улицу. Гоша взял веник и немного приоткрыл занавеску. В дом сразу пробились солнечные лучи. Он осмотрел помещение, отгоняя желание покушать, решил навести порядок. Вдруг он услышал несильный удар в стекло. Посмотрев в окно, он увидел на карнизе белое пёрышко, которое потоком ветра понесло во двор.

– Что это было, неужели голубь? Вот удача! Надо его найти.

Гоша спустился во двор, но ни пёрышка, ни голубя не обнаружил. Поднимаясь, он толкнул дверь соседки, она оказалась закрыта.

– Странно, вообще-то дверь всегда была открыта, наверное, Сергеевна ушла в гости к знакомой, как и говорила!

Наташа хотела узнать о судьбе мужа, но в комиссариате пообещали, что по поступлении сведений сообщат на работу. Этот день она запомнила надолго, он с утра не задался. Всю ночь пришлось тушить зажигалки, а утром вызвал командир и сообщил:

– Кузнецов Евгений Иванович погиб, их застава одной из первых приняла на себя удар фашистов.

Поняв состояние Наташи, командир отпустил её домой, отойти от полученного известия. Идя, она рассуждала про себя: «Сообщить весть Гоше или не стоит? Жени, оказывается, уже не было в живых, когда мы перебрались в Ленинград. Наверное, не надо, это может Гошу травмировать, расскажу позже».

Встретив уставшую, расстроенную маму, Гоша понял, разговора не получится, вскипятил чайник, выложил на стол хлебный сухарь и вареную единственную оставшуюся картофелину. Наташа немного поела и от полученного стресса легла отдохнуть, а Гоша заботливо принёс старый плед и накрыл маму.

– Спасибо, сынок, как у тебя вчера прошёл день?

Гоша обрадовался и начал рассказывать, что вчера случилось. Мама, засыпая, ещё слышала его, но образ мужа уже заслонял уставший мозг.

– А ещё после бомбёжки в наше окно стукнулся голубь, представляешь!

Наташа провалилась в полудрёму, Женя во сне почему-то превратился в белого голубя, и она, засыпая, обдумывала это.

«Интересно, как это сын так быстро после бомбёжки вернулся из убежища? И откуда голубь?»

Но тут услышала продолжающего говорить Гошу:

– Я толкнул дверь Сергеевны, а она, представляешь, оказалась закрыта, я постучал, но никто не ответил.

Сон как ветром сдуло, служебные обязанности заставили её проснуться.

– Постой, когда ты последний раз видел Веру Сергеевну?

– Ну, когда она мне азбуку дала. Да ты не волнуйся, отдыхай. Она сказала, что пойдёт в гости к знакомой в дом напротив.

– Подожди, так это было почти неделю назад.

Мама стала серьёзной, одевшись, вместе с сыном они спустились на второй этаж, и мама громко постучала в дверь соседки. Не услышав знакомого шарканья тапочек, стала стучать громче и громче. Затем посмотрела на сына.

– Побудь здесь, я за помощью.

Через некоторое время она пришла с незнакомыми людьми, один из них с помощью инструмента открыл дверь, и все вошли внутрь. Бабушка сидела в кресле, как и в последний приход Гоши, когда она подарила ему азбуку. На столе лежала полуоткрытой книга, будто она дочитала абзац и откинулась на спинку кресла передохнуть, вот лишь глаза были закрыты. Но тело из-за мороза не разложилось. Её завернули в одеяло и вынесли. Один из людей, видимо, старший, закрыл входную дверь. Достал клочок бумаги с круглой синей печатью и, приклеив, опечатал дверь.

«Вот что означают бумажки с печатью – здесь прошлась смерть!» – подумал Гоша.

Чтобы вывести из оцепенения сына, Наташа заговорила с ним.

– Ты вот мне сегодня рассказывал про голубя, который в окно стучал, а я даже не обратила на это внимания, а говорят, если голубь бьётся о стекло, это к плохому событию!

Вспоминая оборванный сон, она сопоставила события и подумала про себя: «А может, Женя пытался нас предупредить? Ведь во сне он превратился в голубя».

Открытие, что означает бумажка, приклеенная к двери, так потрясло Гошу, что он старался быстро проскочить второй этаж, благо первый этаж раньше занимали магазины, и в подъезде здесь не было квартир.

Наконец пришла весна, но всё равно ещё было довольно прохладно. Отыскивая на развалинах дрова, Гоша наткнулся на длинную доску. Это увидел старичок, который тоже искал дрова.

– Неси её сюда. У меня есть ножовка, распилим! А ты где живёшь? – спросил старичок, одетый в длинное потрёпанное пальто.

– Недалеко, в наполовину разрушенном доме.

– А, до войны в этом доме булочная была. А в каком подъезде?

– В третьем, с мамой.

– Там у меня знакомая живёт, Сергеевна, вместе на заводе работали, как там она?

– Веры Сергеевны больше нет, недавно умерла, голод.

– Надо же, как жалко, представляешь, а я ведь даже имени её толком не знал, всё Сергеевна да Сергеевна.

К лету настроение улучшилось, природа помогала, редкие деревья и трава позеленели.

Гоша выскочил из подъезда, держа в руках ведёрко, и заметил Костю, который выглядел расстроенным и, сидя на камнях, тупо глядел в землю.

– Ты чего такой грустный?

– Отец у тебя сейчас на фронте? – вдруг спросил Костя.

– Ну да, я же рассказывал.

– Помнишь, как он прощался, уходя на фронт, что говорил?

– Нет, я был маленький.

– А я запомнил. Отец тогда сказал, когда вернётся, подарит мне настоящего почтового голубя. Это мечта! Ещё просил, когда родится сестрёнка, стать старшим в семье, заботиться о ней и маме. А вчера получили похоронку, я не верю, что он погиб, всякие случаи бывают!

– Теперь понимаю, почему ты так с голубями поступаешь!

– Не совсем, я бы никогда в жизни не убил голубя, если бы не блокада. Понимаешь, я же старший в семье, надо заботиться о питании. Сестрёнка ещё маленькая и слабенькая, без хорошего питания не сдюжит! Не дай бог, что-нибудь с ней случится, как я тогда буду в глаза отцу смотреть?

Гоша удивился словам Кости.

– Так он же погиб?

– Да мы тут все такие! У одного – похоронка, у другого – пропал без вести, у третьего – просто не пишет писем с начала войны. И все верим и ждём. Вот у тебя отец что пишет? Мама рассказывает?

– Ты знаешь, нет, а когда я спрашиваю, мама на меня не смотрит.

– Ты тут меня не слушай, верь, что отец вернётся и обязательно тебе подарит, как и мне, голубя, и будем мы с тобой запускать их в небо, а не варить из них бульон!

– Так, получается, отец погиб, что ли?

Костя вдруг понял, что сделал что-то не то, сказал правду, скрываемую мамой Гоши, и сразу осёкся! Осознав, он засобирался, вскочил и пошёл быстрым шагом прочь.

Гоша остался со своими мыслями один. Только минут через пять он пришёл в себя, увидел в руках ведёрко, вспомнил, что дома нет воды, вздохнул и пошёл к водяной колонке.

Тёплое время прошло быстро, но хотя и наступила зима, все жили в ожидании прорыва блокады города. И это произошло!

– Мама, победа! Мы победили, правда?

– Конечно, только вот не совсем, враг отступил, но ещё силён. Жалко, что не все дожили до этого дня.

Наташа внимательно посмотрела на сына и продолжила:

– Я всё искала момент рассказать тебе про отца.

– Мам, я уже давно всё понял, Женя для меня останется живым, он в моём сердце. Помнишь, ты вспомнила про голубя, мне кажется, это был он. Только вот где он сейчас и как его найти?

– Ты, оказывается, повзрослел, а я даже и не заметила!

– Знакомые мальчишки тоже не верят, что их отцы погибли, надеются, что похоронка ошибается. Некоторые пытались сбежать на фронт, отомстить, бить фашистов, но не получилось!

– На фронт вам спешить рано. Военные обещают отремонтировать школу в нашем районе, и тогда тебе будет чем заняться! Правда, вот маловато тебе годков!

Ленинград ожил, оставшиеся в живых блокадники уже не были похожи на тени: убирали улицы, расчищали завалы от разрушенных бомбами домов, приводили в порядок любимый город. На улицах трудился знакомый всем трамвай, главный транспорт блокадного города, выполняя не только свои прямые обязанности, перевозя горожан и военных, но и всевозможные грузы. Ремонтные бригады первым делом направили на восстановление школ. Дети старались помочь, выполняя несложные работы. Гоша с Костей на этот раз занимались побелкой стен и потолка в одном из классов.

– Гоша, представляешь, я здесь учился в первом классе! Вон за той партой сидел, так было здорово. Школа меня учила, а теперь мы помогаем ей вернуться из руин! – вспоминал мальчик.

– А книг в школе много было?

– Целая библиотека, правда, я толком и не успел что-нибудь полностью прочитать, война.

– Будем приближать открытие школы!

И, макнув щётку в ведро с извёсткой, они продолжили белить стены и потолок наперегонки.

Мама была в ночном дежурстве, а Гоша дома один. Поздно ночью с улицы пошёл шум. Он подошёл к окну и вдруг ясно услышал нарастающие крики: «Победа!» Выскочив на улицу, увидел радостных горожан, а из репродукторов слышалось сообщение о капитуляции! Гоша плакал и смеялся вместе со всеми, сколько пришлось пережить, в голове была одна мысль: «Мы выжили!» Наташа вернулась утром, и вместо отдыха они гуляли по городу, а ночью смотрели праздничный салют! За время войны Гоша повзрослел, научился читать благодаря «Азбуке» Веры Сергеевны. Он очень хотел учиться в школе и фантазировал, как прилежно будет выполнять домашние задания.

Наташа пришла домой радостная и с порога доложила Гоше:

– Завтра пойдём в школу, мне обещали, что тебя могут взять на учёбу. Узнаем про твой класс и познакомимся с учителем!

– Здорово! Интересно, в какой класс меня запишут?

– Как и всех начинающих, в первый, хотя ты уже научился читать и считаешь вон быстрее меня!

– Хорошие учителя были, да и время подгоняло!

В школе вместе с другими детьми Гоша на первом уроке в своей жизни слушал рассказ учителя о звёздах и планетах нашей Солнечной системы. Было так интересно, что день пролетел незаметно. Ночью Гоша, вооружившись фонариком, пробрался на чердак дома проверить слова учителя о звёздах. После войны крыша находилась в плачевном состоянии: одни дыры, ну чем не планетарий! Выбрав место с помощью фонарика напротив одной из дыр, Гоша удобно устроился и стал наблюдать. В тёмном небе звезды казались искорками, он вспоминал рассказ учителя.

– Ух, вот Большая Медведица! А это созвездие Орион!

Вдруг он почувствовал на себе взгляд, включил фонарик и посветил по сторонам. Ничего не обнаружив, успокоился, ещё немного понаблюдал. Но внутреннее чувство подсказывало, что он на чердаке не один.

– Кто здесь? – спросил он, вставая.

Вроде послышался какой-то шорох, он посветил в ту сторону, но, ничего не увидев, решил спуститься в квартиру.

Пробравшись в комнату, Гоша лёг в кровать, но уснуть не смог, на ум приходил случай на крыше.

– Ладно, завтра днём осмотрю чердак внимательней.

Вернувшись после школы и поднявшись на чердак, Гоша осмотрелся: ничего подозрительного, мусор и всё те же дыры в крыше. Вдруг раздался шорох, Гоша посветил фонариком

в ту сторону и увидел голубя, напуганного от внезапного света. Он был белого цвета. Наверное, испугавшись, вылетел через одну из дыр крыши.

– Вот же, напугал голубя! Жалко, откуда он здесь, как он пережил блокаду? Надо его покормить, чтобы он меня не боялся.

Гоша принёс горсточку просо, насыпал на площадку, голубь не выходил, но был где-то рядом. Через некоторое время ожидания голубь вышел, боязливо глядя на мальчика, начал склёвывать зёрна.

– Какой красивый голубь, только худой, белый и на лапах пёрышки! Наверное, почтовый. Точно, на шее ошейник, ух ты, и на лапке колечко! Неужели он всё это время жил у нас на чердаке, а я даже и не знал.

Голубь тем временем подобрал все зёрнышки и уставился на Гошу.

Мальчику захотелось погладить голубя. Он протянул руку, но голубь, попятившись, улетел.

– Испугался! Ничего, мы с тобой подружимся! Завтра наберу хлебных крошек, вот он обрадуется!

Теперь он спешил домой после школы, нигде не задерживаясь. На этот раз голубь его ждал. Гоша насыпал хлебные крошки на площадку и немного оставил на руке, вытянув её к площадке. Голубь обрадовался, жадно начал клевать крошки и быстро уничтожил их. А дальше, осмотревшись, подошёл к руке, глядя на Гошу, осторожно стал склёвывать крошки с ладони. Гоше было немного щекотно и приятно! Закончив, голубь отошёл, выпятил вперёд грудь и начал махать крыльями, одновременно крутить головой и издавать тихое курлыканье! Гоша хотел его снова попробовать погладить, но голубь опять быстро отбежал и улетел.

– Ещё боится, ничего – привыкнет!

На следующий день, после школы, у Гоши была запланирована тренировка по футболу. Их школьная команда «Заря» в субботу должна встретиться в рамках школьной спартакиады с командой «Звезда» из соседней школы. Учитель физкультуры пригласил его в команду, но хромота не позволяла ему быстро бегать. Попробовали поставить его в ворота, но и здесь было не лучше.

Гоша расстроился, а ребята придумали, как быть.

– Ты всё равно приходи, будешь нашим болельщиком, талисманом! Придумай клич, чтобы мы всегда тебя слышали.

Гоше это очень понравилось, и он придумал!

– «Заря», не робей, лучше гол забей!

В день матча Гоша занял место среди зрителей, и как только игра началась, стал скандировать придуманный им клич.

– «Заря», не робей, лучше гол забей!

Соседи сначала прислушивались, но вскоре поддержали его. «Заря» выиграла и вместе со зрителями праздновала победу! Гоша радовался и краем глаза увидел в небе голубя. Сразу вспомнив про друга, поспешил домой.

«Это же надо, два дня не был на чердаке, а вдруг он забыл меня?» – думал Гоша.

Он приготовил для друга кусочек коржика. Голубь ждал его и важно прохаживался по площадке. Увидев Гошу, он направился к нему навстречу. Гоша начал отламывать небольшие кусочки коржика и давать голубю, который уже без страха брал из рук еду.

– Ты извини, понимаешь, футбол, игра такая!

Голубь прислушался и замахал крыльями! Гоша вспомнил голубя, парящего над спортивной площадкой.

– Так это был ты! Как ты меня нашёл?

Но голубь не отвечал и с аппетитом ел кусочки. Наконец, коржик закончился, но голубь не убежал, вдруг прижался к руке и немного потёрся грудкой с ошейником.

– Ты хочешь, чтобы я снял ошейник!

Он рассмотрел крепление и, расстегнув пряжку, снял ошейник.

Голубь сразу расхорохорился и стал наблюдать за Гошей. Ошейник был сделан из кожи и напоминал небольшой кошель, внутри лежала свёрнутая бумажка. Уже стемнело, он не разобрал написанного на ней и решил прочитать её дома. Голубь же прижался и позволил погладить себя. Потом отошёл и, оглянувшись, помахал крыльями! Гоша помахал в ответ рукой и скрылся в чердачном проёме.

«Мы с ним подружились! Это здорово. Надо рассказать маме!»

Мама была на кухне, когда Гоша влетел в комнату.

– Мам, у меня появился необычный друг, только ты не удивляйся!

– Да я думаю, и не один, в школе много ребят, ты даже на футбол стал ходить!

– Нет, мам, это всё не то, настоящий друг, почтовый голубь! Он живёт у нас в доме на чердаке, белый такой, красивый!

– Ты не придумываешь? Всех голубей изловили в блокаду, голод не тётка. Даже воробьёв не осталось. Ты точно не путаешь?

– Да ты что, настоящий почтовый голубь, он совсем ручной!

– Так вот куда исчезает крупа, а я всё гадала.

– Мам, он хороший, вот посмотри, почтовый саквояж, он разрешил снять его с шеи, внутри находится письмо, но почерк мелкий, прочитай, пожалуйста.

Мама взяла саквояж, открыла и достала письмо. Видимо, вовнутрь саквояжа попала вода, и нижняя часть письма испортилась, но остальное было вполне читаемо.

– «Если вы читаете это письмо, то меня уже нет в живых, проклятая блокада, но это означает, голубь жив, последний из моей коллекции. Это очень редкая порода: узбекский лохмоногий. Остальных голубей блокадники поели, голод – страшное оружие. Но их не обвиняю, я сам начинаю понимать, что такое голодная смерть. Она подкралась незаметно, отказали ноги, рука еле двигается, глаза режет даже неяркий свет. Голубю я больше ничем помочь не могу, поэтому выпускаю его, помогите ему, он станет настоящим другом, ответит преданностью. Мой адрес…»

Дальше из-за влаги бумага испортилась, и написанный химическим карандашом текст расплылся. Мама замолчала, а Гоша открыл рот, пытаясь осмыслить прочитанное письмо.

– Мам, значит, хозяин всё отдавал голубю и умер от голода? А может, это тот голубь, который к нам в окно просился в конце войны? Я помню, на карнизе тогда осталось белое пёрышко. Сколько же ему пришлось пережить.

– Похоже, война ещё долго будет напоминать о себе. Ты бери крупу, только не перекармливай голубя, после блокады нужно отходить постепенно.

Гоша навещал голубя каждый вечер, а утром голубь его провожал до самой школы, наблюдая за ним с высоты. Вечером они играли, как дети, в обычные прятки, догонялки, после чего долго сидели, глядя в темнеющее небо. Голубь прижимался к мальчику, воркуя, закрывал глазки. Однажды Гоша захватил с собой игровые фишки и с удивлением увидел, что голубь безошибочно раскладывает их по образу: треугольники, кругляшки и квадраты.

– Ух, может, ты ещё что-то умеешь делать? И всё же как ты соскучился по ласке и общению!

Гоше не хотелось его отпускать, но голубь любил свободу и не собирался менять чердак на место в квартире.

Мальчик был счастлив от знакомства, но рассказывать даже самым надёжным друзьям не хотел, это была только его дружба!

Однажды Гоша так торопился, что забыл в школе запасённую еду для друга, но возвращаться – плохая примета, и он поднялся на чердак без лакомства.

– Извини, так получилось, завтра будет двойная норма!

Казалось, голубь всё понял, косо посмотрел и, повернувшись, пошёл в темноту чердака.

– Ты что, обиделся?

Голубь вынырнул из темноты, держа в клюве засохшую хлебную корочку, и положил возле Гоши. Это был тёмный блокадный хлеб!

– Неужели тот самый! Это твоя заначка на чёрный день.

Он взял сухарь и стал его слюнявить. Как только хлеб стал мягче, Гоша отломил кусочек и подал голубю, но тот отвернулся.

– Так это для меня!

Он положил в рот и разжевал, какой же он вкусный, блокадный! А вот следующий кусочек голубь проглотил с удовольствием. Так они ели хлеб по кусочку, пока он не закончился. Гоше было интересно рассмотреть колечко на лапе голубя, тот словно понял и с помощью клюва снял его с лапы.

– Ух, ты и это умеешь, кто же тебя обучил этому?

Он взял колечко в руки, присмотревшись, прочитал написанное английскими буквами: Victory.

– Так тебя зовут Victory, по-нашему Победа! Здорово!

Голубь в это время важно смотрел на Гошу и, услышав своё имя, замахал крыльями! Гоша рассмотрел колечко поближе, внутри была выбита проба.

– Так оно золотое!

Он рассмотрел застёжку, она была простая, оконечности имели закруглённости и при лёгком нажатии надёжно входили друг в друга, а чтобы открыть, надо было несильно нажать сразу с двух сторон, и замок открывался!

– Похоже, здесь поработал опытный ювелир! Значит, ты действительно был дорог хозяину. Как жалко, что он погиб.

Гоша закрепил колечко на лапе голубя.

– Ну что, будем знакомы, Victory!

Голубь вытянул шею и стал гордо ходить по площадке.

Время шло, стало прохладно, голубь распушился, став ещё красивей. Но Гоша заметил, что он стал плохо есть да и играть не хотел. Может, заболел, но было незаметно. Он рассказал об этом маме.

– К сожалению, голуби живут гораздо меньше, чем люди, сколько ему лет, мы не знаем, их век длится лет десять, может, чуть больше.

Гоша старался больше быть с голубем, когда он прижимался к телу, мальчик ощущал стук его маленького сердца.

Однажды поздней осенью он возвратился из школы и увидел, как рабочие ремонтировали крышу, не забегая домой, он поднялся на чердак. Рабочие уже залатали пробоины и отделяли обрушенную часть дома на чердаке при бомбёжке.

– Постойте, там голубь!

– Да нет тут никакого голубя, да и откуда после блокады. Теперь у вас в доме будет сухо и тепло! – сказал, удивившись, один из рабочих.

Гоша подошёл к знакомой площадке и, присмотревшись, увидел колечко голубя, оставленное на самом видном месте, незамеченное строителями. Он подобрал его и положил в карман.

– Спасибо вам, что не забыли про нас, тепло зимой не помешает!

Спустившись в квартиру, он заплакал.

– Что случилось?

Плача, Гоша достал колечко из кармана и показал Наташе. Она обняла сына.

– Так получается, мы часто теряем что-то! Голуби стараются улететь из дома, чувствуя смерть, чтобы погибнуть в свободном полёте. Но на память он оставил тебе самое ценное для него, колечко! Теперь голубь всегда будет рядом, посмотри на колечко и вспомни его!

– Он не просто голубь, он стал для меня настоящим преданным другом!

Но про себя Наташа подумала, вспоминая: «А может, и правда это был Женя и старался хоть чем-то нам помочь в самое трудное для нас время».

Рассказ второй.
Почтальон

В городе Воронеже установлен памятник фронтовому почтальону, мужественно выполнявшему во время войны свои прямые обязанности по доставке почты и героически воевавшему с фашистами на передовой.

На плацу в торжественном порядке выстроены курсанты Военной академии, среди них есть окончившие курсы работников сельского хозяйства, перед ними выступает начальник академии.

– Товарищи курсанты, сегодня торжественный день, выпуск группы военнослужащих, пожелавших сменить военную службу на самую мирную профессию – профессию хлебороба. Это показывает правильность выбранного пути нашей молодой республики. Перекуём мечи на орала! Вместе с вручением свидетельства об окончании ускоренных курсов работников сельского хозяйства выпускники получат направления в деревни и сёла, где вас очень ждут и надеются на вашу помощь!

С разных сторон послышались команды ответственных офицеров, вызывающих выпускников.

– Антонов Вячеслав Иванович, для получения документов выйти из строя!

– Есть! – ответил Слава. Лихо подошёл к столу. Командир взвода взял в руки документы:

– Поздравляю с окончанием курсов, надеюсь, не подведёшь.

Глядя на два ордена Красного знамени на груди Антонова, он продолжил: – Помню, как мы с тобой бились с бандитами, а теперь вот провожаю в мирную жизнь, значит, не зря всё это было. Автоном Михайлович обрадовался, узнав, что ты останешься у него в районе. Место будущей службы, ой, извиняюсь, работы – деревня Демидовка!

– Спасибо, товарищ командир, не подведу, обещаю!

Слава вернулся в строй. Среди поздравляющих выделяется девушка, которая сжимает в одной руке букетик полевых цветов. Она пытается поймать взгляд Славы. Зовут её Машей, одета она в простенькое платье, волосы на голове сплетены в две небольшие косички, торчащие в разные стороны.

– Ну что же ты, неужели не видишь!

Наконец, поймать взгляд удалось, и, запрыгав от радости, она подняла над головой руки, помахивая цветами. Слава, разглядев девушку, только немного улыбнулся в ответ: «Всё-таки пришла! Хотя и не обещала. Но строй – это дело серьёзное!»

По грунтовой дороге, петляющей среди полей, не спеша идут Слава и Маша Антоновы. За плечами у обоих вещмешки.

– Здорово, что тебя направили в Демидовку, смотри, как тут красиво! Какие вокруг просторы! Хотя понимаю, чего тебе стоило поменять службу на профессию хлебороба.

– Не меня, а нас, ты же моя половина! А вообще я, наверное, счастливый, и это начало исполнения моей детской и единственной мечты! Кстати, а у тебя есть мечта?

– Не знаю, я об этом никогда не задумывалась. Мечта всегда связана с родительским домом, а я помню только детский дом и ещё голод.

– Ничего, у тебя всё ещё впереди. Здесь недавно было всё по-другому, шли настоящие бои, тут погиб мой товарищ. Я обещал вернуть мир и поля, засеянные рожью, в Демидовку. Хотя честно, это у меня от деда, он занимался земледелием, говорил о том, что всё может измениться, но хлеб будет нужен всегда!

– В общем, согласна, а эта золотистая – пшеница?

– Маша, нет, это рожь, видишь, у колосьев усики. А золотистая она, потому что напиталась вдоволь солнцем и её пора уже убирать.

– Ну, конечно, тебе лучше знать, новоиспечённому выпускнику и бывшему красному командиру. Смотри, берёзки, как здорово, возле дороги приютились. Настоящий островок! Давай полчаса отдохнём в тени. Интересно, до деревни ещё далеко?

– Да нет, приглядись, за полем уже видны первые дома деревни.

В деревне жители много не разговаривали и долго провожали их взглядом. Отыскав сельсовет, они нашли председателя, немного полноватого мужчину, одетого в поношенный костюм. Лицо его имело загорелый оттенок, показывая, что мужчина постоянно находится на природе, о чём также свидетельствуют запылённые сапоги.

– Ну, наконец-то! С утра по телефону сообщили, а уже вечер! Очень рады новоиспечённому хлеборобу, видели, какие у нас поля?

– Поля-то хорошие, а вот жители как-то недружелюбно отнеслись к нашему приезду.

– Верьте на слово, есть причина, но об этом потом. Вот вам ключи от дома, там раньше почтальон жила, но вышла замуж и уехала в район с мужем. Теперь вот и дом свободен, и почты у нас нет!

– Видишь, как всё складывается, даже дом свой будет!

– Как-то всё легко получается, не к добру всё это.

– Не выдумывайте, устраивайтесь, а с утра будем разбираться, уборочная на носу!

Устав от долгой дороги, новосёлы, слегка прибравшись, легли отдохнуть. Маша заметила, не пряча счастливые глаза:

– Как здорово чувствовать себя хозяином целого дома!

Вдруг раздался набат колокола и испуганные крики жителей, Слава подорвался, сказались навыки командира.

– Похоже, что-то случилось, не получится отдохнуть!

Слава с Машей выскочили на улицу. Воздух был полон гарью, а над полем вставало зарево, там и тут слышались голоса.

– Хлеб, хлеб горит! Бандиты подожгли! Все на тушение!

Добежав до поля, люди увидели, что уже поздно. Налитая рожь полыхнула как порох, и через час от урожая уже ничего не осталось. Председатель был серьёзен как никогда.

– Это же надо, опять банда появилась, вроде бы всех изловили. Как жалко, на днях убирать собирались.

– Так вот почему жители нас встретили холодно, не доверяют незнакомым. Что же вы так, Артём Николаевич! С бандами надо по-революционному, к стенке, знаю по своему опыту, приходилось!

– Да есть народное ополчение, и недалеко от района военная часть расположена, но, похоже, опять прозевали, толкового командира нет. Погоди-ка, ты же бывший командир, и опыт имеется. Наслышан, секретарь райкома Автоном Михайлович рассказывал!

– Да я же сюда для другого дела направлен! Хотя говорят, что бывших командиров не бывает. Банды мирно жить не дадут.

Глядя на пожарище, Маша не могла сдержать слёз.

– Слава, как ты думаешь, берёзки тоже сгорели?

– Да уж, земледелие придётся отложить на некоторое время.

Славу вызвали в районный комиссариат, комиссар долго рассматривал документы Славы.

– Вячеслав Иванович, мы понимаем ваше желание освоить мирную профессию, но реальность диктует другое. Пока для восстановления мирной жизни в регионе вы нам нужны как кадровый военный, имеющий опыт в борьбе с бандитизмом.

– Ну что же, я готов применить весь имеющийся у меня опыт для восстановления мира и свободы!

Вскоре в семье родился мальчик, назвали его Вовкой. Служба не позволяла отцу часто быть дома, охранять мир было не просто. В дом провели телефон, должность обязывала. Не имея возможности приехать, Слава часто звонил по телефону.

– Как вы там, как Вовка?

– Слава, как хочешь, но на крещение сына ты должен приехать, хотя власть это не приветствует, но я договорилась.

– Обещаю, вырвусь на сутки, для Вовки это очень важно.

Когда Вовке исполнилось три годика, Маша задумалась.

– Надоело бездельничать, хочу устроиться на работу по своей специальности, я учитель. Но единственная школа в соседней деревне Сергеевке, не получится, далеко!

Председатель узнал о желании Маши работать и решил помочь.

– Маша, а может, примешь почту, я думаю, справишься, а то не можем почтальона найти, в районе только всё обещают.

– Да у меня же педагогическое образование, работа с детьми!

– Господи, да сельчане как дети, вот увидишь! А мы тебя в район направим, там на почтамте всё объяснят!

– Я же ничего в этом не понимаю.

– Если бы не был уверен, не предлагал бы. Ты справишься.

И не теряя времени, боясь, что Маша откажется, председатель достал кожаную сумку почтальона.

– Вот ключи от отделения, две печати: обычная печать и для сургуча. Формуляры да, в общем-то, и сама сумка. Завтра отправим тебя в район, там всё растолкуют, а пока ознакомься с помещением. Позже пригласим связиста, он подключит телефон и радио.

Маша даже ничего не успела ответить, как председатель исчез. Немного подумала и направилась на почту.

– А почему бы и нет? Почтальон – тоже хорошая профессия!

Больше всего назначение понравилось Вовке, в отделении его очень заинтересовали телефон и радиоприёмник, повторитель у которого находился на уличном столбе рядом с почтой.

– Мам, а можно я тебе помогать буду, я видел, как по телефону разговаривают!

– Я согласна, только сначала надо навести здесь порядок, а то что подумают сельчане. Почта тебе не сарай, это место общественного пользования!

– Понял, я работы не боюсь, ты же знаешь!

В районе Машу сразу успокоили:

– Маша, ты, главное, не торопись, работа на почте – это работа с людьми, вот увидишь, скоро почта для жителей окажется на первом месте, а мы тебе поможем и окажем любую помощь. Да, на складе получи велосипед для передвижения и своевременной доставки почты.

– Вот это здорово, никогда не думала, что велосипед может быть рабочим инвентарём!

Начальник почтамта улыбнулся и добавил:

– Я уверен, ты справишься и освоишь работу почтальона.

Жители деревни, как и Слава, обрадовались назначению Маши и открытию почты. Жительница деревни Клава одна из первых наведалась на почту.

– Маша, прими, пожалуйста, письма, только вот адрес проверь! А что там у нас нового слышно в районе?

– Там свежий выпуск газеты вывешен, хороших новостей много!

– Маш, ты уж расскажи сама, а мы послушаем, у тебя интересней получается!

Маша не отказывала и несколько раз в день перечитывала газету, становясь всё ближе для жителей. Слава появлялся дома, как позволяла служба. Но чтобы отпраздновать пятилетие Вовки, он выбил у командования отпуск на целый месяц. И провёл его дома с сыном.

– Сын, ты уже взрослый, пока я на службе, дома ты старший. А со старшего и спрос! Ну, а чтобы ты был солидным, вот тебе подарок, настоящая армейская планшетка, тут с тыльной стороны прикреплена небольшая сапёрная лопатка, очень, понимаешь, нужная вещь в хозяйстве!

– Вот это здорово! Правда, большевато маленько, даже на самой маленькой длине ремешков достаёт до колен. Но это ничего, вырасту. Пап, а давай на велосипед багажник соорудим, всё удобней будет!

– Это ты здорово придумал, но я понял тебя. Тайком научу тебя кататься на велосипеде! Но смотри, кататься только с разрешения мамы, всё-таки хозяйская техника. А для удобства перевозки сумки почтальона предлагаю ещё спереди на руль соорудить корзину из металлической проволоки!

– Ух ты, а где ты такое видел?

– Я же не всегда был взрослым и военным! В детстве, помню, у моего деда было что-то похожее, только велосипед был похуже, трофей с Первой мировой войны! Он был хлеборобом, всегда, возвращаясь с полей, заезжал на пекарню, брал каравай свежеиспечённого хлеба, обматывал его полотенцем, клал в корзину на велосипеде и привозил нам, мальчишкам. Отрезал каждому по ломтю ещё тёплого ароматного хлеба, приговаривая:

– Не нами придуман хлеб, но у нас есть почётная обязанность его выращивать и выпекать!

Мы слушали, с аппетитом откусывая вкусный хлеб, и даже не обсуждали его слова, а принимали за правило, так должно быть!

– Все может измениться, но хлеб будет нужен всегда!

– Поэтому и запомнилась эта корзина на велосипеде с караваем ароматного хлеба. Он очень хотел, чтобы я и мои друзья серьёзно занимались выращиванием пшеницы, но вот пока не получается.

– Понятно, бандиты мешают мирной жизни!

– Это точно, но когда не останется врагов, построим мы новый мир и будем с тобой выращивать рожь или пшеницу, обещаю. А она будет нас благодарить!

– Как же она будет нас благодарить? Она же говорить не умеет?

Отец улыбнулся.

– А ты пробовал с рожью разговаривать? Ведь иногда даже чтобы понять человека, не нужно знать язык, а достаточно посмотреть на его действия.

– Это как?

– Вот, например, мама прижмёт тебя к себе, даже ничего не говоря, а ты понимаешь, что она тебя любит! А рожь ты посадишь в землю, взойдут колосья и колышутся на ветру в знойный летний день, словно волны на речке, войдёшь и почувствуешь прохладу, это и есть благодарность.

– Но ведь главное – это ароматный каравай!

– Согласен, но каравай – это уже, так сказать, конечный результат тяжёлого труда хлебороба.

Должность командира обязывала Славу постоянно находиться в военной части, и свободные дни всегда пролетали быстро.

– Сын, для командира имеются две семьи, одна находится дома, а другая, армейская служба, – ждёт в военном городке.

– Я тоже, когда вырасту, стану военным!

– Нет, мы же с тобой договорились, отучишься в институте на агронома, а то не всё же время деду Мите, нашему главному хлеборобу, полагаться на народные приметы! Наука – это сила, я к этому времени демобилизуюсь, и будем мы с тобой выращивать рожь.

– Учиться – это же долго!

– В таком деле спешить не надо, знания спешки не терпят. В общем, не забудь передать привет нашим берёзам, я по ним тоже очень скучаю, – напоминал отец, прощаясь, уезжая на службу.

– Опять говорить с деревьями?

– А ты попробуй и сам увидишь. Ведь это твоя земля, и всё, что на ней растёт, нужно любить и защищать.

В этот раз он получил назначение на Дальний Восток.

– Маша, приказы не обсуждаются, нужна помощь, неспокойно сейчас на границе, а у меня есть опыт борьбы с бандитизмом. Ты не бойся, я счастливый, и мечта у меня светлая, что может со мной случиться? И у тебя есть Вовка, вон он какой большой! Обещаю, свою Демидовку я ни на что не променяю.

– Да уж! Вовка, как и ты, всё говорит о земледелии. Дед Митя жаловался, пристаёт, интересуется, трудно ли выращивать рожь.

– А вообще я рад, что он идёт по моим стопам, хотя рановато ещё.

– Яблоко от яблони недалеко падает!

– Время покажет, был ли прав дед.

Маша практически освоилась на новом месте работы, да и из района часто начальник почтамта звонил.

– А разве у вас в деревне нет названия улиц, вроде бы домов двадцать-тридцать по плану застройки, как же вы почту разносите?

– Да тут не сложно, всего-то одна улица! Я всех в лицо знаю, да и приятно лишний раз по имени-отчеству адресата назвать.

– Нет, так не пойдёт, вот вам задание. Вместе с правлением изготовить план деревни, нанести и пронумеровать все дома. Обязательно на плане обозначить название улицы и передать на утверждение в район.

– Вот так озадачили, надо к председателю идти за помощью.

Председателя было трудно поймать, уборочная на носу.

– Дело, конечно, хорошее, если ты займёшься, я только за, любую помощь окажу. Только вот я сам занят, время сейчас такое, и выделить в помощь никого не могу. Хотя постой, Вовка у тебя подрос, уже в четвёртый класс ходит, вот тебе и помощник, и одноклассников привлечь можно. У них вроде каникулы скоро.

– А как же название улицы, там ведь надо мнение всех жителей?

– Это, конечно, соберём собрание, утвердим, как положено, но авторство за тобой!

Вовка со сверстниками оббегали все дворы, на листке бумаги набросали план деревни, нанесли все тропинки, не забыли и коровник с мастерской.

– Это же дело военное! Карта вам не хухры-мухры. Здесь каждая мелочь важна.

Закончив зарисовку, доложил по-военному:

– Товарищ почтальон, задание выполнено! Нанесены все объекты и дороги, а также овраги и речка!

– Ух ты! Это уже кое-что значит. Теперь всё это надо перенести на ватман! Молодец, ты прямо как помощник почтальона стал!

– Откуда ты знаешь, что меня почтальоном кличут? Я уже привык.

– А разве это плохо? Ведь почтальон первым приносит весточку, и его всегда ждут.

– Вот и я так подумал, поэтому и согласился.

Маша, руководствуясь документами и зарисовками мальчишек, принялась рисовать план деревни. Сельчане наблюдали и то и дело корректировали действия Маши. Клава и тут выделялась.

– У Томы забор ближе, и участок за овраг не выходит, там уже хозяйская земля.

– Хорошо, приму к сведению, а вот как бы вы хотели назвать центральную улицу?

– На ней же сельсовет!

– Что, значит, Сельсоветская, что ли?

– Нет, не пойдёт, тут и магазин, и почта, и председатель здесь же.

– Всё это не то, название должно звучать, я предлагаю: улица Мира! Мы же все так давно мечтаем о мире!

– Маша, ну разве бы мы до такого додумались, здорово, сельчане!

– Так, теперь начнём пронумеровывать. Центр у нас площадь с сельсоветом и почтой. Справа чётные дома, слева нечётные. Номер один – почта с магазином. Два – сельсовет, и дальше по нумерации.

– Так что это, теперь можно по номерам обращаться! Сегодня вон двадцать второй корову к ветеринару повела!

Находящиеся в отделении почты расхохотались. В мастерской изготовили таблички с номерами, и мальчишки во главе с Вовкой разнесли их по адресам, аккуратно прибивая на стены домов.

– Теперь у каждого будет свой адрес, это вам не на деревню к дедушке писать. Всем родственникам номера домов сообщите!

Окончив работу над планом и окончательно утвердившись в названии улицы, Маша пришла к председателю.

– Артём Николаевич, я свою часть исполнила, теперь дело за вами.

– Маша, давай чуть попозже, сейчас просто людей не соберём!

– Начальство из района требует, да и жители уже практически решили, только утвердить надо по правилам!

– Да запарка тут у нас, технику готовим к уборочной! Отвлекать людей от работы не хочется. А честно, думаю, ты права, улица Мира – это здорово, но давай через недельку, ладно?

Маша почувствовала, что председатель чего-то недоговаривает, видно, этого пока знать не надо.

По пятницам Вовка провожал маму, отвозившую накопившуюся за неделю корреспонденцию в районный центр. Пока мама ехала на велосипеде по дороге, делая большой крюк вокруг поля, он напрямик успевал добежать до их условного места, того самого берёзового островка.

– Вот же, опять прибежал, запрещала ему делать это, хотя приятно увидеть, как он машет мне рукой!

– Ну, вот успел! Как и обещал отцу, всегда провожаю маму.

Помня рассказы отца, Вовка приставал к деду Мите:

– Дядь Мить, а что за народные приметы, которыми ты руководствуешься, выращивая хлеб?

– Это штука хорошая, так сказать, народная мудрость, но ненадёжная! Помнишь, вот в позапрошлом году посадили рожь по всем правилам, потом всю весну костры жгли, чтобы всходы не замёрзли, кучу сена спалили!

– Помню, сам тогда помогал!

– Говорят, в городе такие книги есть, где всё про выращивание хлеба написано, вот их бы почитать да и заучить, главное! Тогда бы дело пошло! Правильно тебе отец говорит, нужно учиться.

На следующий день Вовка в школе поинтересовался у учителя Марии Ивановны:

– А у нас в библиотеке есть книги по выращиванию зерновых или ещё мне их рано читать?

– К сожалению, нет, а вот что интересуешься, это хорошо, читать книги совсем не рано. Знания имеют свойство накапливаться, превращаясь в опыт, применяемый на практике. Постараюсь на каникулах в районной библиотеке найти тебе такую книгу.

Вовка, как всегда, пришёл на почту перед закрытием, чтобы проводить маму до дома. Он любил не спеша идти и беседовать о делах, выполненных за день.

– Мам, я тут думал, учиться в институте всё-таки придётся, и дед Митя советует, народные приметы хорошо, а наука сильней!

– Чего это ты вдруг? Тебе всего-то двенадцатый год идёт!

– Учиться никогда не рано, правда, придётся жить в городе, а как же ты тут одна?

– Но это ещё не скоро! Да и ты навещать меня будешь, и отец, я думаю, к этому времени вернётся.

– Согласен, рановато пока! Мне тут Мария Ивановна книгу по выращиванию зерновых обещала найти, вот начну для начала изучать самостоятельно!

– Вот бы отец обрадовался таким мыслям! Он один из первых окончил курсы сельскохозяйственных работников, несмотря на неспокойное время. А где книга-то?

– В деревне такой нет, Мария Ивановна обещала к началу учебного года в районе отыскать.

– Ну вот и подождём до сентября, а пока не переживай, время есть немного отдохнуть, всё-таки каникулы!

На почте часто пропадала связь из-за порывов на линии. Тогда радио с телефоном сразу погружались в тягостное молчание, иногда на целую неделю. Но в этот день радио вдруг заработало, и из динамика раздался голос диктора. Толком сначала никто и не понял, что произошло. Только всё и всегда понимающие мальчишки, меся пыль голыми пятками, помчались вдоль улицы, громко крича и размахивая руками:

– Война, война началась!

В течение недели мужчины деревни старше восемнадцати лет были призваны на службу и отправлены на фронт. В деревне стало тише, всё замерло в ожидании неизвестного. Жители приходили на почту, надеясь узнать хоть какие-нибудь новости, просили помочь Машу в написании писем, доверяя ей свои семейные тайны. Зашёл и председатель, вручил увесистый пакет с адресным планом деревни и названием улиц.

– Только ты сначала созвонись, прежде чем ехать, время такое, война идёт.

– Согласна, кстати, на днях звонили из почтамта, предупредили, скоро придётся закрыть почту на неопределённое время. Фашисты наступают, но завтра меня как раз ждут в районе, пришли новые инструкции по работе с корреспонденцией, много похоронок идёт с фронта.

Вечером Маша неторопливо, чтобы ничего не забыть, готовила сумку почтальона для завтрашней поездки на главпочтамт. Сельчане, зашедшие на почту, наблюдали за работой Маши и с надеждой обсуждали последние новости. Как всегда, всё знающая тетя Клава пыталась как-то скрасить неловкое молчание.

– Маша, что там наши, всё отступают?

– Да, с тяжёлыми боями. Слышала три дня назад, фашисты совсем рядом. Предупредили, что почту на время придётся закрыть. Завтра поеду в райцентр, узнаю новости, приходите – всё расскажу.

– Всех ведь мужиков забрали на фронт, если появятся фрицы, как защищаться-то будем? Да ведь и рожь созрела, уборочная на носу!

– Я думаю, до этого не дойдёт, не можем же мы всё время отступать, да и в газете пишут, готовится большое наступление.

– Маш, тут у внучки Наташеньки день рождения намечается, юбилей, десять лет! Дед перед самой войной в городе коробку шоколадных конфет купил и ещё вот красивая открытка, можно ей это всё переслать?

– Вовремя! Завтра всё и сделаем, а сейчас мы её красиво упакуем, Вовка, поможешь!

– Тоже мне подарок! Съест конфеты и забудет, хороший подарок – это когда навсегда!

– Не забудет, смотри, какая красивая коробка из жести с мишками на верхней крышке, а ещё и красивая открытка! А что же вы её не до конца подписали да и ошибку в имени допустили?

– Маш, ты нам поможешь, у тебя красивый почерк, не то что у нас, два класса церковно-приходской!

– Хорошо! Сейчас что-нибудь придумаем!

Взяв карандаш, Маша начала красиво выводить после слова «Наташенька!», повторяя в голос:

– Поздравляем с днём рождения, с десятилетием! Счастья тебе, малышка, радости и улыбок. Расти и радуй дедушку с бабушкой!

– Ну, разве бы мы так написали!

– Вовка, допиши адрес.

Взяв в руки карандаш, Вовка под диктовку внимательно выводил:

– Улица Ленина, дом 4, квартира 2. Ой, мам, а я знаю, где этот дом находится, возле площади, там ещё магазин, где игрушки продают! Вообще-то, потом в коробке можно хранить письма и фотографии! И вот эта открытка будет первой!

– Ну вот, додумался, не пришлось объяснять! А у тебя есть любимый подарок?

– Вот, настоящая, офицерская!

Вовка с гордостью показал сумку.

– Она уж точно навсегда, сделана из чистой кожи!

– Ну, это конечно! А по размерам ещё и на вырост!

И женщины рассмеялись.

Утром Вовка бежал через поле, пробираясь в зарослях высокой травы и ароматной ромашки. Закреплённая на плече офицерская сумка била по спине, но это его не отвлекало. Он уже видел, как мама подъезжала к берёзам на велосипеде.

«Что-то я сегодня опаздываю, надо было раньше выходить!» – Маша практически поравнялась с берёзами и не спеша крутила педали велосипеда, думая про себя: «Вот сейчас появится Вовка, провожая, как обычно. А что это за облако пыли впереди?»

Вдруг совсем рядом раздался страшный взрыв, разметая куски земли по сторонам. Вовка остановился, не понимая, что происходит. Последующие взрывы вернули его в реальность. Он увидел, что по периметру поля движутся танки. Рванувшись в сторону спасительных берёз, он почувствовал, как его оторвало от земли и подбросило силой взрыва вверх. Стукнувшись головой о выступающий корень дерева, он потерял сознание.

– Что это было? Неужели фашисты?

На дороге появилась открытая военная машина, а по всему периметру поля стали выползать танки, двигаясь с лязгом и рокотом в сторону деревни. Маша в оцепенении остановилась и слезла с велосипеда, в голове промелькнуло: «Хоть бы Вовка сегодня опоздал, делать ему здесь сейчас нечего».

Вынула из корзины на руле велосипеда сумку почтальона, повесила на плечо, твёрдо взялась за руль велосипеда.

Военная машина остановилась в десяти метрах от Маши, один из пассажиров поднял руку, и в тот же миг вся эта грозная армада, двигающаяся по полю, замерла. Из машины выскочили трое военных. Двое были в форме, держали на груди автоматы, у одного китель был снят,

и оружия не было. Он нагло подошёл к Маше, оттолкнул её, выхватил велосипед и передал своим товарищам.

– Гут машина! Тебе она больше не нужна!

Это был неприятного вида мужчина с морщинистым лицом. Его длинный нос, казалось, даже перекрывал небольшие усики, колкие глаза смотрели в одну точку.

– Это имущество почты Советского Союза, вы поступаете противозаконно!

Андриус был не немец по происхождению, но сумел дослужиться до фельдфебеля. Он неплохо знал русский язык, но говорил картавя, неприятно на слух. Выслушав ответ девушки, засмеялся.

– Советского Союза через месяц не будет! Что это у тебя?

Сорвав с плеча Маши сумку, начал высыпать содержимое. Письма и корреспонденция разлетались вокруг. Маша попыталась выхватить сумку, но её грубо оттолкнул солдат с оружием:

– Ты кто такая, уйди с дороги, не мешай движению!

– Не уйду, я почтальон почты СССР, и это наша территория, вы находитесь здесь незаконно, нельзя уничтожать вызревшую рожь, не вы её сажали и за это ответите!

Андриус перевёл слова Маши. Один из солдат, улыбаясь, загружал велосипед в автомобиль и заметил, удивляясь:

– Меня предупреждали, что это ненормальная страна и здесь всё иначе, не как в Европе!

Слева от дороги, обгоняя стоящую колонну, появился ещё один легковой автомобиль, который, подъехав, остановился, и из него выскочил офицер. Военные из первой машины вытянулись по струнке.

– Что произошло, почему остановили движение?

Солдат без кителя, высыпая остатки корреспонденции из сумки, заметил коробку конфет, взял её, а сумку выбросил.

– Почтальон! Герр майор, запрещает давить рожь, не уступает дорогу!

Вовка начал приходить в себя от причинённой контузии, в ушах гудело, голова сильно болела. Его пронзила как молния мысль: «Мама, что с мамой, я помогу!»

Вовка попытался подняться, но руки не слушались. Увидев, как немцы подошли к Маше, упёрся руками в землю, пытаясь встать, но всё же руки не выдержали нагрузки, и он опять упал, ударившись головой, вновь почти теряя сознание. В голове у Вовки крутилось: «Я сейчас, я смогу! Как больно, мама!»

Офицер посмотрел на солдата, который уже открыл металлическую коробку и, доставая конфеты, отправлял их в рот.

– Вам разве не объясняли, что это за страна, здесь даже простой почтальон – солдат!

Достав из кобуры пистолет, направил его на Машу. Солдат бросил коробку и уставился на девушку.

– Да, это мои берёзы, мои поля, моя Родина, и я буду её защищать, как простой солдат, и нас таких много!

Офицер, недолго думая, выстрелил дважды.

– Андриус, с русскими солдатами нужно поступать только так. Это не дело, если каждый почтальон будет останавливать движение танкового батальона!

Маша упала, резкая боль сковала всё тело и медленно стала подбираться к сердцу. Разум ещё работал, она попробовала открыть веки, но не смогла.

– Слава, я здесь! Я у наших берёз! Обязательно найди меня!

Солдат без кителя быстро вместе с другими сел в автомобиль. Офицер поднял руку и скомандовал:

– Внимание! Продолжить движение!

Одновременно взревели моторы, и военная техника по всему периметру поля продолжила движение.

Маша ещё была в сознании.

– Слава, я защитила кусочек русской земли, теперь это навсегда наши с тобой берёзы.

Военный автомобиль двинулся, но водитель не решился переехать Машу и аккуратно объехал её по бровке. Следующие за ним грузовые автомобили и танки также объезжали лежащую девушку.

Андриус глядел на лежащую девушку и ничего не понимал:

– Надо же, а ведь всего-то отойди в сторону от дороги, и осталась бы живой, не понимаю этих русских.

Маша ещё разбирала лязг проезжающей техники, ощущала жар их двигателей, обдающих и засыпающих тело дорожной пылью.

– А, фрицы, всё-таки испугались! Что это за звук такой красивый, где-то я его уже слышала?

От шума и лязга проезжающей техники Вовка пришёл в себя и с трудом двинулся к маме.

– Я сейчас, я успею.

Маша лежала посередине дороги, раскинув руки, рядом валялись письма и корреспонденция. Вовка, качаясь, подошёл к маме, присел, обнял её и заплакал. Маша пыталась вспомнить знакомый до боли звук, и это удалось.

– Так это же перезвон колоколов, как тогда, в церкви, когда мы вместе со Славой крестили маленького Вовку! Стоп, Вовка, что с ним? Чувствую тепло, он здесь, он рядом, значит – жив!

– Мама, прости меня, я не успел.

Маша собрала последние силы, и вдруг Вовка услышал слабый, тихий еле уловимый голос.

– Сын, не плачь, ты же мужчина. Выполни мою просьбу, подтяни меня к берёзам, чтобы легче было найти, да и мне спокойней будет. Боже, какой громкий перезвон!

– Что за перезвон, мама, подожди, я в деревню, там доктор!

– Не надо, это ни к чему, расскажи всё Славе и обязательно доставь адресатам почту, собери письма, их ждут, очень ждут…

Перезвон затмил собой весь оставшийся разум и потянул её за собой в чистое синее небо. Маша затихла с очередным выдохом.

Вовка припал ухом к телу, сердце не билось. Плача, оттащил тело мамы к берёзам. Затем вернулся на дорогу и собрал письма. Увидев конфетную коробку, отыскал подарочную открытку, вложил, закрыл крышку и поместил в сумку.

– Ну что же, конфеты дело наживное, а вот коробка действительно надолго! Я запомнил тебя, фашист, и твой неприятный голос. Я найду тебя, вот увидишь, и отомщу, готовься!

Вернувшись к берёзам и разревевшись, снял с офицерской сумки лопатку и начал копать. Земля у берёз словно чувствовала, что это место для той, кто бывала здесь, и легко поддавалась с каждым взмахом.

К вечеру между берёз появился небольшой холмик.

На одной из берёз Вовка вырезал перочинным ножиком, проговаривая вслух:

– Маша Антонова. Почтальон и солдат!

Начало темнеть. Со стороны района тянуло гарью, и было видно зарево пожарища.

– Понятно, после немцев в районе делать нечего.

Присмотревшись в сторону Демидовки, он разглядел такие же блики огня.

– Всё же надо вернуться в деревню.

Он встал и пошёл в деревню, но шёл недолго, услышал треск и увидел горящую рожь.

– За что? Ведь это же хлеб!

Он даже представил, как беззащитные колосья просят помощи, но ни он и никто другой помочь уже не могли. Заревев, он вернулся назад к берёзам и от усталости и бессилия лёг рядом с холмиком и уснул.

Проснулся Вовка рано утром от вопроса смотрящего на него мужчины. Его лицо, казалось, было знакомым: загорелый лоб, добрые глаза, аккуратно постриженные усы и седые волосы.

– Эй, ты чего?

Вовка сел, рассматривая путника, тот в свою очередь прочитал надпись на берёзе, присел на корточки.

– Да, брат, пришлось тебе. Как тебя зовут, что думаешь делать?

– Зовут меня Вовкой, есть у меня одно дело – почту до адресата доставить, обещал маме. Да и запомнил я одного из фашистов.

– Погоди-ка, а не сын ли ты Вячеслава Ивановича, красного командира?

– Да, это мой папа.

Мужчина похлопал Вовку по плечу, помог встать.

– Знаю я его, сильный духом человек! Меня зовут Автоном Михайлович. Было дело, встречались по работе. Пошли-ка со мной, а там и разберёмся! Я знаю место, где укрылись жители, сопротивляющиеся фашистам, – партизаны, конечно, если ты не передумаешь.

– Я слово дал маме, только это подозрительно. Почему вы один?

– Я из района, ты прав, мы выходили группой, но, как и ты, нарвались на фашистов. Тогда и пришлось принять единственно правильное решение – разделиться! Идёт война, ценен каждый боец, нужно идти скрытно к одному месту в лесу. Есть тут брод через речку?

Вовка почему-то сразу поверил этому человеку.

– Пошли, покажу, это наш, секретный, его мало кто знает!

Очутившись в партизанском отряде, Вовка освоился, но обещание, данное маме, не забыл. В отряде с помощью связных имелся контакт с большой землёй. Командир отряда рассказал очередному связному историю Вовки, в ответ тот предложил:

– Ну что же, помочь вашей проблеме можно. За линией фронта почта работает в военных условиях.

Командир вызвал к себе Володю:

– Есть возможность отправить сохранившиеся письма адресатам, если они находятся в тылу.

– Все адресаты за линией фронта, и несколько писем в Ленинград! И ещё пакет и бандероль в район.

– Понятно, пакет и бандероль в район подождут, а вот письма приготовь. Связной обещает доставить их почтальонам.

С каждым днём фронт приближался. Неожиданно командир отряда собрал совещание, на котором присутствовал Вовка.

– Володя, ты же учился в Сергеевке?

– Ну да, у нас в Демидовке школы не было, и приходилось ходить каждый день по три километра туда и обратно.

– А ты помнишь здание школы и расположение кабинетов?

– Да, конечно, за четыре года выучил!

– Можешь нарисовать план на листе бумаги?

– Попробую, а что случилось-то?

– Из штаба партизанского движения сообщили, что немцы начали эвакуацию подразделений агентуры из нашего района. Обоз удалось захватить, но необходимых документов и кар-

тотеки там не обнаружили. Штаб считает, что документы всё ещё находятся в Сергеевке, в здании комендатуры, бывшей школы.

Вовка сел за стол и начал рисовать план.

– Да чего тут, там всего-то три комнаты и котельная! Вот это класс, рядом техническая комната, ну, там Мария Ивановна всегда находилась, внутри библиотека и всякие учебные пособия: карты, глобус, учебные плакаты, она без окон. А напротив учительская, там и директор. Вот это центральный вход, но имеется ещё один выход, во внутренний дворик. Эту дверь всегда использовала Мария Ивановна, блокировала центральный вход изнутри и выходила на улицу через него, закрывая школу на ночь.

– А помещение котельной?

– Через него нельзя попасть в школу, у неё отдельный вход.

– Понятно, ты часто был в учительской?

Вовка вдруг застеснялся.

– Ну, бывало, когда директор вызывал.

Командир улыбнулся, а стоявшие рядом бойцы зашушукались.

– Расскажи про последний раз.

– Да мы играли в футбол, и я забил гол, все бы ничего, но мячик, пролетев ворота, угодил в окно и разбил стекло! Тогда я и оказался у директора.

– Ты гол в ворота забил?

– Да, мы выиграли, два – один! Директор тогда сказал, что, конечно, здорово, но стекло вставить придётся. Вот и весь визит.

– Хорошо, вспомни, был ли в комнате сейф и где он находился?

– А, такой большой железный шкаф с блестящей ручкой? Он стоял вот здесь, у стены без окон.

– Я думаю, он и сейчас там же. Вряд ли кто будет передвигать такие тяжести. По данным разведки, скорей всего, документы находятся там, это три или больше красного цвета пухлые папки. Если мы сможем их достать, то очень поможем нашей разведке.

– Товарищ командир, разрешите и мне участвовать в операции.

– Ты включён в состав с опытными разведчиками. Выдвигаемся завтра, основная задача – проникнуть в здание со стороны двора и добыть документы, после чего уничтожить комендатуру путём взрыва в котельной.

Рано утром партизаны пробрались к комендатуре. Убрав часовых, разведчики разделились: часть занялась минированием котельной, а Вовка со своей группой через внутренний дворик проникли внутрь. Оказавшись в учительской, нашли и вскрыли сейф и, забрав содержимое, вышли во двор. Там находилось место от костра, были разбросаны наполовину сгоревшие книги. Вовка подобрал одну из них, прочитал название:

– «Селекция и выращивание злаковых растений». Так всё-таки Мария Ивановна успела привезти книгу из района.

Один из партизан, увидев это, спросил, заинтересовавшись:

– Зачем она тебе?

– Ребята, это очень ценная книга о пшенице, о том, как её выращивать!

Появилась вторая группа.

– Через пять минут все взлетит! Быстро отходим!

Вдруг в дворик зашёл мужчина, ведя за руль велосипед. По виду сельчанин. Вовка пригляделся и сразу догадался, кто это.

– Так это же велосипед мамы, вот ещё и корзинка, которую мы с папой установили!

Увидев партизан, мужчина испугался, но затем вдруг сказал, коверкая слова:

– Партизаны, наконец-то!

Его лицо попало под освещение. Вовка узнал фашиста, который вышел тогда, возле берёз, из военной машины к маме. Он его видел всего лишь миг, но запомнил навсегда!

– Ребята, это предатель!

Предатель вынул пистолет и пытался поднять шум. Но один из партизан группы заслона опередил его точным броском ножа.

Партизаны успели отойти на небольшое расстояние, когда раздался взрыв, отвлекая фашистов и давая время партизанам скрыться и добраться до отряда.

После совещания со связными командир отряда доложил:

– Ребята, это именно те интересующие штаб документы. Вы очень помогли нашей разведке, отдельное спасибо тебе, Володя, за проявленную выдержку и смекалку!

– Служу Советскому Союзу!

Командиру всегда приходится быть на шаг впереди. Предвидя будущее, он пригласил Вовку для беседы и начал издалека.

– Неужели тогда в Сергеевке был тот самый немец, который принял участие в убийстве Маши?

– Я видел его всего секунду, но запомнил навсегда, он предатель, его голос, противный такой, до сих пор в голове, уже тогда я думал, как ему отомстить.

– Да, были в секундах от провала, молодец, что не сплоховал. Тут ребята передали горсть карамелек для твоей коробки!

Вовка взял конфеты, сияя от радости.

– Спасибо, товарищ командир, уже есть что отправлять, а то как-то не по-людски!

– А что ты там ещё за книгу подобрал, неужели ценная?

– Автоном Михайлович, для меня она бесценна, я планирую стать агрономом, а это пособие по растениеводству!

– Молодец, война скоро закончится, и будут востребованы работники мирных профессий. В связи с этим у меня к тебе есть предложение.

– Что-то серьёзное? Я всегда готов!

– Серьёзней не бывает. Красная армия на подходе, и скоро вместе погоним фрицев до самого Берлина! Но здесь есть одно правило, если нет восемнадцати, включить в состав регулярных войск не получится. Предлагаю тебе вернуться в Демидовку и принять должность хлебороба с условием позже поступить в сельскохозяйственный техникум на специальность агронома.

Война закончится, а вот людей нужно кормить, и главное – хлеб!

– Автоном Михайлович, неужели вы думаете, что я в тыл, а как же отомстить фашистам за маму?

– Не спеши, месть – нехорошее чувство. Идёт уже 1944 год, подумай, главного гада, фашиста, ты уже ликвидировал, и больше пользы будет от полей, засеянных рожью. Но это не так просто, как ты думаешь, после ухода немцев в деревне полная разруха, жителей практически не осталось, лёгкой победы не обещаю.

– Можно немного подумать, я ведь маме обещал.

– Кстати, по поводу мамы. Я тут вскрыл пакет, который был адресован в районный совет, имею право как секретарь райкома. Там адресный план деревни Демидовки.

– Я помню, мы с мальчишками тогда целую неделю бегали и обрисовали на плане все строения деревни, потом номера на дома вешали.

– А помнишь ты, как мама хотела назвать центральную улицу?

– Вспоминаю, как-то громко, чтобы всем жителям нравилось, вроде как улица Мира или что-то похожее!

– Так вот, я принял решение – и дописал своей рукой – назвать центральную улицу в Демидовке улицей имени Маши Антоновой! Чтобы помнили о своих героях. После победы лично передам документы в земельный комитет района на утверждение.

– Согласен, с такой улицей поля должны быть в полном порядке!

Вернувшись в деревню, разрушенную и опустошённую фашистами, Володя понял, какую ответственность взял на себя. Хорошо, что вернулся дед Митя, из-за возраста в регулярные войска его тоже не взяли.

– Дядя Мить, да я тоже вначале обиделся, но теперь понял, расслабляться нельзя! На нас лежит тяжёлая задача – распахать поля и засеять рожь, хлеб сейчас дороже золота.

– Он всегда был дороже. Только вот работников – ты, да я, да мы с тобой! И семян кот наплакал, что делать будем?

– Начнём с жителей! Весна не за горами, теперь каждый день как в бою. Сдюжим, и из района обещали помочь.

День Победы встретили в поле, сажая рожь!

– Ура, победа, дядя Мить, дождались, теперь дело за нами.

До появления всходов на полях выходных у Вовки не было, но к лету надо было отчитаться в завершении посевной в районе.

Документы он сложил в мамину сумку почтальона, добавил недоставленную вовремя бандероль и отправился в район. В районной администрации его ждал Автоном Михайлович, которого также вернули на прежнюю должность.

– Всё-таки я не ошибся в тебе! Самые лучшие всходы, а как насчёт учёбы?

– Отослал документы, жду ответа, готовлюсь.

– Молодец, если что, обращайся, чем сможем, поможем!

– Да ничего не надо, постараемся справиться сами. Единственное, личное, я по отцу запрос отправлял, ничего неизвестно?

– Пока ответа нет, но в списках погибших он не числится. Думаю, такие люди, как твой отец, просто пропасть не могут.

Отчитавшись в секретариате, Вовка с почтальонской сумкой, внутри которой осталась только коробка с конфетами и открыткой, отправился по запомнившемуся адресу. Дом нашёл быстро, подошёл к квартире с номером два и услышал за дверью пение. Постучал, пение прекратилось. Дверь открыла девушка, по возрасту сверстница, и вопросительно посмотрела на него.

– Вы, наверное, к тётке, так она бывает только по вечерам, следит за мной, хотя я уже давно самостоятельная!

И Наташа покачала головой с такими же, как были у мамы Вовки, косичками.

Вовка неловко держал паузу и достал из сумки открытку.

– Да нет, мне нужна…

Не дав договорить, она серьёзно продолжила, глядя на открытку:

– Если к родителям, то они не вернулись с фронта.

– Наташа Назарова здесь проживает?

Девушка удивилась, рассматривая сумку:

– Да, это я, откуда вы знаете мою прежнюю фамилию? Собственно, кто вы? Почтальон?

– Нет, но это запоздалая весточка из Демидовки, от деда с бабкой.

– Что-то я не пойму, проходи в комнату. Они же погибли.

– Да, погибли, но эта открытка была отправлена ещё до их гибели.

– Ничего не понимаю, садись за стол, как раз чайник вскипел.

– Вот прочитай! Это поздравление с твоим десятилетием.

Прочитав, девушка чуть не заплакала, но старалась не подавать вида, как её разволновали нахлынувшие воспоминания.

– Почерк красивый, правда, в первом слове ошибка! Адрес заполнен правильно, но как всё это произошло?

– Твоя бабушка в самом начале войны пришла на почту и попросила заполнить открытку мою маму, почтальона, правда, имя она твоё уже написала, поэтому в нём и ошибка, мама не стала исправлять, а только дописала поздравление. А ещё она передала тебе коробку конфет, вот она!

– Какая красивая! С моими любимыми мишками! Это картина художника Шишкина – «Утро в сосновом бору»!

– Но вот с бандеролью произошла история.

Вовка рассказал всё про подвиг Маши, в конце добавил:

– В партизанском отряде, узнав о произошедшем, старались помочь. Письма, когда наладилась связь, командир отправил на большую землю. А вот с конфетами… В общем, в коробке не «Мишки», собирали всем отрядом, кто одну, кто две конфетки достанет, к концу войны как раз и наполнили!

Маша открыла коробку, конфеты были разной конфигурации, в разноцветных фантиках. Но они стали самыми желанными после того, как Наташа узнала историю их появления.

– Извини, я даже не спросила твоего имени, большое тебе и твоим друзьям спасибо! Что же мы, чайник-то совсем остыл, и пора, наверное, использовать конфеты по назначению! Тебе какую конфету дать?

– Можно ириску! Ты не представляешь, сколько было искушений, но я выдержал, можно я тебе оставлю сумку мамы как память?

– Буду очень рада. Ты знаешь, здесь, в оккупации, тоже было нелегко, фашисты лютовали. Хорошо, что тётка успела поменять мне фамилию на свою. А так бы расстреляли, ведь родители военные медики и были на фронте. А как там сейчас в Демидовке?

– Восстанавливаем, правда, жителей осталось мало, ждём приезжих! Меня назначали за агронома с условием поступить в техникум, вот пытаюсь! Жалко, что почты в деревне пока нет, но, как сказал наш председатель, – это дело наживное!

– Здорово! А я тут устроилась на фабрику, другой работы не нашла. Об учёбе даже не думаю, как-то жить надо, хорошо, что тётка помогает!

– Слушай, а ты приезжай к нам, у нас так здорово!

– Не знаю, и так всё устроилось, да и тётку подвести не хочу, из родни только она одна и осталась.

Как всегда в пятницу, ранним утром Вовка шёл к берёзам навестить могилку мамы. Среди деревьев жители установили небольшой обелиск со звёздочкой, а он поставил небольшую скамейку, чтобы любой путник мог удобно передохнуть в тени берёз.

Дед Митя, увидев идущего Вовку, помахал ему рукой.

– К матери направился? Передавай от нас привет, мы её помним.

– Хорошо, дядь Мить, не забуду! Ты видал, как рожь взошла?

– Конечно, прям глаз радует, после войны самая первая радость! Без тебя ничего бы и не получилось. Вот мать бы порадовалась.

Петляя по дорожке вдоль засеянного рожью поля, Вовка собирал небольшой букет из незатейливых цветов, мама любила полевые цветы. Он напевал песню из недавно увиденного фильма «Небесный тихоход» в деревенском клубе.

– Первым делом самолёты, ну а девушки потом!

Подойдя ближе к берёзам, Вовка заметил путника, одетого в военную форму. Он сидел на скамейке возле обелиска, под берёзами. Правый рукав гимнастёрки аккуратно был заправ-

лен в карман, что говорило об отсутствии руки. Вовка подошёл, не глядя поздоровался и положил букет возле обелиска.

– Доброго утра! К нам в Демидовку?

– Вовка, сынок! Вырос, вот ведь не узнать!

Оглянувшись на голос, Вовка оцепенел.

– Отец, уж даже и не думал тебя увидеть! Ты почему не писал?

– Так получилось, сначала война, а потом вот тяжёлое ранение, руку ампутировали. Ты мне скажи, это всё правда, что мне рассказал Автоном Михайлович про Машу?

Вовка стал серьёзным, опустил глаза.

– Пап, не смог я защитить маму, очнулся, только когда уже всё произошло, но это её последнее желание – похоронить возле берёз.

– Отстояла она, значит, это место ценой своей жизни. Зато теперь она всегда с нами, ты не вини себя и гордись Машей.

Вовка увидел, что к берёзам направляется ещё один путник со стороны района.

– Сегодня прям день встреч какой-то!

– Похоже, ещё кто-то в Демидовку направляется.

Девушка шла уверенно, приглядевшись, Вовка узнал Наташу с надетой через плечо знакомой почтальонской сумкой. Девушка подошла и улыбнулась:

– Значит, всё это правда: и Маша, и берёзы, и подвиг?

– Но только я ничуть не хвалился, честное слово!

– Верю, я о другом, подумала о твоём предложении вернуться в Демидовку, что мне в районе делать? Да и с профессией решила, стану, как твоя мама, почтальоном.

И, посмотрев на обелиск, серьёзно закончила:

– Обещаю!

– Ну что, Вовка, веди нас в деревню и показывай своё хозяйство!

Вовка повёл путников в деревню и начал рассказ, похваляясь:

– Конечно, я не агроном, ещё только учусь, но вот это поле оставил под парами, ближе к речке определил как для кормовых растений, мы теперь опять ферму возрождаем! Уже четыре бурёнки имеем!

– Ну, а где же рожь-то? Разрешишь помогать растить её?

– Конечно! Как же не разрешить выпускнику курсов сельскохозяйственных работников, мне мама всё рассказала! А вот и рожь! Смотри, какая красота!

Впереди открылось поле со всходами ржи, уходившее вдаль, к небольшим домам возрождающейся после войны Демидовки.

Людская память хранит имена своих героев. Так и повелось в Демидовке: если спросит любой местный житель, где встретимся-то, или проходящий путник задаст вопрос, а где начинается деревня и как пройти до центра, – ответ всегда один:

– Начало известно где, возле Машиных берёз, а дальше вдоль асфальтового шоссе, между полями с золотой рожью, ведь Демидовка всегда славилась своими хлебами. Потом по главной улице имени Маши Антоновой до площади, где стоит самое известное жителям здание – отделение почты! Это и есть центр Демидовки.

Рассказ третий.
Окно

По историческим данным, во время штурма Берлина советские солдаты под огнём фашистов героически спасли более двухсот немецких детишек. Но достоверно известными остались только двое. Остальным, чьи имена не сохранились, и многим Солдатам, не вернувшимся с войны, посвящается…

В одном из домов небольшого городка, за стеклом окна второго этажа, видна девочка, глядящая в сторону площади, посередине которой проходят трамвайные пути. На шее девочки выделяется красного цвета шарф. Её зовут Олей, в первый день осени она опять простыла и лечилась дома. Мама Оли, Антонина, ушла на работу, в библиотеку, находящуюся на другой стороне площади. Вход в библиотеку с вывеской над дверью виден из окна квартиры. Оля, удобно устроившись у окна на кухне, с кусачим шарфом на шее, проводила взглядом маму. С грохотом и звоном к остановке подъехал трамвай, из которого повыскакивали шумные пассажиры. Оля отошла от окна и решила открыть кухонный шкаф, но тут отвалилась ручка.

– Вот же напасть, уже вторая за неделю! Эх, был бы папа, он давно бы всё отремонтировал!

Оля с мамой жили вдвоём, муж Антонины, Фёдор, пропал без вести в последние дни войны, поэтому все поломки по дому копились до «особого момента». Об отце Оля знала только из рассказа мамы, а видела его на единственной маленькой затёртой фотографии.

Антонина проводила мужа с началом войны, которая зашла в каждый дом, семью, забирая родных и близких. На работе из четырёх штатных библиотекарей осталась только она, остальные разъехались по родственникам. Навалившиеся дела не сразу позволили понять, что она беременна. Антонина не знала, радоваться или горевать, спасало одно – работа! Книги были главным в жизни Тони. Сохранить, вывезти фонд на время войны в безопасное место. Но у городских властей не было возможности. Военный комендант распорядился заложить окна библиотеки мешками с песком, установить внутри печь-буржуйку, выведя трубу в одну из форточек. В помещении стало ещё темнее, чем было. После чего комендант дал задание:

– Антонина, ваша задача – сохранить фонд библиотеки, война не навсегда, книги – будущее для наших детей, вы уж постарайтесь!

– Всё, что зависит от меня, выполню, обещаю!

Война скомкала планы, в доме не осталось жильцов, Антонине было одиноко и в её положении страшно, ведь помочь было некому. Чтобы не сойти с ума, она писала письма Фёдору, сообщая о беседах с дочкой, находящейся в животике, хваля её за спокойный характер. Электричество в доме отключили, вода перемёрзла, но выручала чудом работающая во дворе колонка.

Натаскав воды, Тоня разожгла огонь в бойлере, нагреваясь, он создавал тепло в ванной и на кухне. Она снова поминала добрым словом мужа.

– Как здорово, что Фёдор весной заполнил дровами сарай до самого потолка. А может, он предвидел будущее?

Наступили морозы. Тоня перестала ходить на работу. Раз в неделю, зная, что Тоня дома, её навещала почтальон, принося газеты для библиотечной подшивки, изредка письма от Фёдора и забирала письма, написанные Тоней. Почтальон немного задерживалась, поддерживая её в таком положении.

– Ты бы поменьше у окна находилась, от остановки видно, как ты наблюдаешь, простудишь ребёнка.

– Переживаю, вдруг кто-то придёт в библиотеку, а меня не будет на месте?

– Да кто же в такую погоду выйдет из дома, и дверь там снегом занесло, следов не видно, так что не беспокойся. Ты о себе подумай, вон живот-то какой, пора, наверное, в больницу? Я тут разносила почту, там спрашивали, когда ты к ним?

– На следующей неделе буду собираться, боюсь я.

– Я тебе помогу добраться. Родить в такое время – это уже подвиг!

В начале февраля 1942 года родилась девочка: маленькая и худенькая, но главное – здоровая! Почтальон помогла Тоне добраться до дома, заполнила водой бойлер, растопила огонь. Появившееся тепло обогрело кухню, и женщины, раздевшись, повели неторопливую беседу.

– Ну, вот вы и дома, как назвали девочку?

– Фёдор просил Олей! Вы там, проходя, следов у библиотеки не видели?

– Ну что же, красивое имя! Теперь до весны никаких следов, забудь о работе, Оля – твоя главная задача.

В апреле неожиданно приехала на сутки тётя Клава вместе с военными, откомандированными на завод. Привезла немного продуктов, понянчилась с Олей, узнала новости.

– Может, к нам в Сибирь? Всё-таки вместе легче прожить!

– А как же дом, библиотека, книги, они ведь для меня как дети. За ними нужно следить. Нет, я не могу, вдруг Фёдор в отпуск приедет, а нас дома не будет?

– Я согласна, войну одному одолеть трудно, главное – не сойти с ума! Работа поможет, но сомневаюсь, что кто-то придёт читать книги в такое время.

– А я сейчас не одна, нас двое, придёт посетитель или нет, не важно! Работа будет наш малый вклад в общую победу.

С наступлением тепла Тоня с дочкой, не выдержав, вышли работать в библиотеку. Вывеску над дверью сорвало ветром, и деревянные буквы за зиму растащили на дрова. Внутри всё выглядело заброшенным, забытым.

– Ну что, дочка, придётся нам с тобой поработать!

Устроив дочку в сооружённую из лавки и полки кроватку, Тоня присела за рабочий стол, достала лист бумаги и карандашом написала:

«План работ

1. Убраться в помещении.
2. Привести в порядок подшивки газет.
3. Составить список книг, оставшихся на руках.
4. Провести ревизию, отремонтировать повреждённые книги».

Полностью сосредоточившись на работе, она не замечала, как летит время. К зиме Тоня привела в порядок пошивки газет, провела ревизию, отбраковав повреждённые книги, и отложила их ремонт до весны. Оля подросла и, всё понимая, не мешала маме. Антонина не обращала внимания, что нет посетителей, хотя где-то внутри себя всё же обижалась.

– Для кого же я работаю, может, бросить всё? Нет, война закончится, и книги снова будут востребованы.

Вспоминая прошедшую зиму, на будущее Тоня обустроила спальные места в самом тёплом уголке, на кухне, убрав стол.

Под самый Новый год дочка уверенно пошла ножками. Тоня сообщила об этом в очередном письме Фёдору.

– Вот тебе и Оля! Скоро помощницей будет!

На зиму она сделала перерыв в работе, зимой нужно было просто выжить, паёк был маленьким, но жаловаться было стыдно, у других жителей и этого не было. Тоня часто сидела

на табурете у окна на кухне, пытаясь разглядеть двери библиотеки. Вдруг она увидела Фёдора, идущего к дому, смотрящего на окна и махавшего рукой. Да и картина за окном изменилась: снег исчез, на деревьях

появились листья. Тоня вздрогнула, поднялась с табурета и хотела помахать в ответ, но видение растворилось, площадь опять приняла унылое зимнее состояние.

– Привидится же такое, до весны ещё сколько времени пройдёт! И Фёдор вернётся после окончания войны, а сколько ещё до победы, одному богу известно.

Сидевшая рядом дочка внимательно наблюдала, пытаясь понять, чего мама там рассматривает.

Зима была затяжной, и даже в апреле лежал снег. Из остатка пшена Антонина сварила кашу, щедро посыпала лесными сушёными ягодами, присланными Клавой в посылке. Усадив дочку у окна, Тоня поставила на подоконник тарелку и размешивала кашу.

Присмотревшись, она увидела следы на снегу, ведущие к дверям библиотеки. Тоня замерла.

– Мама, каша!

– Правильно, работа работой, но обед по расписанию!

И отправила полную ложку каши в открытый рот дочки. Оля могла есть самостоятельно, но из рук мамы каша казалась вкусней.

– Кто-то приходил в библиотеку, первый раз с начала войны, а меня не было на месте! – подумала с обидой Тоня.

На следующий день Тоня вместе с дочкой пришли в библиотеку, следы действительно вели к двери, посетитель подошёл, но, увидев замок, ушёл. Тоня очистила дорожку, вошла, внутри было прохладно, она разожгла огонь в буржуйке. Оля начала бегать у стеллажей, но мама быстро остановила её и определила место для игр недалеко от печки.

– Книги любят тишину, и нарушать их мир нельзя!

Оля огляделась и почувствовала осуждающие взгляды с полок больших и маленьких книг. Ей показалось, что это солдаты, стоящие в парадном строю, она вздохнула и приняла их условия.

Осмотрев помещение, Тоня приступила к накопившимся за зиму делам библиотекаря. Но в душе она была рада – жители вспомнили о книгах!

– Кто же это мог быть, посетитель или просто прохожий?

Мешки с песком закрывали окна, поэтому в библиотеке стоял сумрак. В свете керосиновой лампы Оля помогала маме в проклейке отремонтированных книг. Тоня готовила книгу для проклейки, а в это время дочка помешивала в кастрюльке клей.

– Мам, а правда клей похож на кашу?

– Конечно, ты только помешивай, а то подгорит!

По команде Оля брала кисточку и щедро промазывала очередную книгу под присмотром мамы.

– Нам клея ничуть не жалко, только ты выздоравливай быстрей, тебя ждут другие книги, в общем строю!

Книга отправлялась на пару дней под пресс, нехитрое устройство из двух дощечек и зажимов. После чего отремонтированную книгу Оля торжественно ставила под присмотром мамы на отведённое ей на полке место. Скомандовав по-военному:

– Приказываю занять положенное место в общем строю, равняйсь, смирно! Вольно! Приступить к хранению знаний! – улыбалась Тоня.

После чего в журнале, в графе о ремонте, Тоня делала запись, а Оля ставила жирную галочку.

– Вот и ещё один раненый в строю!

Тоня заметила, книги для дочки стали живые, она с ними играла, как с куклами, разговаривала и даже укладывала спать, всегда желая спокойной ночи. Иногда в библиотеку заходила почтальон, но не задерживалась, её ждали ещё во многих домах.

– Теперь мне стало легче, жители вывешивают объявления, что живы, и я уже знаю, куда идти. А как у вас?

– После того случая так никто и не заходил.

Олю заинтересовало услышанное новое слово «объявление».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.